

КАЗАНОВА
ИЗ ТАМБОВА

ЕФИМ СМОЛИН
Распутин
нервно
курит...

Это особый мир, вы тут еще не были. В этом мире изменяют женщине для ее же блага и здоровья...

В этом мире мужчине, который давно числится мужчиной только по паспорту, достаточно съесть бутерброд, чтоб превратиться в полового гиганта...

В этом мире спецслужбы мира наперегонки, отпихивая друг друга гоняются за обыкновенным тамадой и конференсье Сергеем Гавриловым, умоляя его поработать только с ними за сумасшедшие деньги.

Это мир эротико-иронического шпионского детектива. И этот мир создан специально для вас, друзья, известным писателем Ефимом Смолиным.

И сегодня автор лучших монологов для Геннадия Хазанова и Владимира Винокура, создатель программы «Куклы» приглашает вас в этот мир... за совершенно смешные деньги...

Юмор начинается с цены...

Ефим Смолин

Часть первая

Распутин нервно курит...

Глава 1

«На заре ты меня не буди...»

Семь утра. Мне почему-то снится Тамбов, в котором я, к счастью, никогда не был... Я стою на привокзальной площади и торгую якобы шерстяными носками. Подходит какой-то тип с носком в руках, показывает, как пролезает его поганый палец через его вонючий носок и хватает меня за горло... А я пытаюсь крикнуть: типа, мол, как ты смеешь, хорек, я заслуженный артист, но горло сжато его сучьими руками, и звука нет...

Надеюсь, этот сон не сбудется... Интересно, плохие сны так же, блин, материальны, как плохие мысли?

Звонок телефона... Дзи-инь!

Тот, кто звонит, наверное, думает, что избавляет меня от кошмара.

Дзи-инь!

Он сильно рискует. Возможно, он не знает, что за звонок в такую рань, если он не по делу, я могу убить?

А может, знает, но он неизлечимо болен или в

жутких долгах, хочет уйти из жизни, но не хватает духу сделать это самостоятельно, и вот он звонит мне в надежде, что я помогу. Да, перевелись, перевелись настоящие самураи... которые сами без посторонней помощи делали себе харакири. Ладно, мне не жалко — помогу. Обязательно... если звонок не прекратится...

Заткнулся?... Нет, он просто перевел дух и снова...

Дзи-инь!

Ну, хорошо, видит Бог, я был терпелив, я давал шанс...

— Господи! Ну возьми же трубку...

Это Марина. Удивительные существа эти женщины. Как они умеют в семь часов две минуты, продолжая спать, так высунуться из одеяла только одним ненакрашенным глазом? Древний инстинкт самосохранения подсказывает им, что все остальное — нечесаное и ненакрашенное — лучше не выставлять сейчас на обозрение...

Звонок продолжается.

— Да?

— Гаврилов?

Это Лия Арменовна, моя директриса. Надеюсь, она звонит не только для того, чтобы удостовериться, что я по-прежнему Гаврилов, за ночь ни за кого не вышел замуж и не сменил фамилию... Мне было бы искренне жаль убедиться

в обратном. Это был бы приговор для нее, а хороших директоров сейчас в шоу-бизнесе немного, и потеря еще одного была бы трагедией...

— Гаврилов, — торжественно сказала она, — как дела?

Вот это я люблю, когда в 7 утра и так по-светски: «Как дела»...

— Прекрасно... Снился Тамбов...

— И были во сне тамбовские волки?

Это она так шутит и проявляет потрясающую осведомленность в русском фольклоре.

— Волков не было. Только волчица. И не во сне, а по телефону.

Это уже я так остро в 7 утра...

— Смотри, говорят, в ночь на пятницу сны сбываются...

— Лия, типун тебе на язык! Ты в семь утра позвонила, чтоб это сказать?!

— Гаврилов, есть работа...

И сразу перестают раздражать и ее резкий кавказский акцент, и хриплый прокуренный голос... Я ее уже любил в эту минуту. Ну, почти любил.

— Что за работа? — спросил я.

— Ресторан. Перед столиками. Оттамадить свадьбу в ночнике.

— В каком?

— В «Черном Лебеде»...

«Черный лебедь» — это круто, значит, неплохие бабки... Да, прошли те времена, когда я, писатель-сатирик Сергей Гаврилов, лауреат, член и прочая, прочая... выбирал куда идти выступать... Неужели когда-то администратору, только подумавшему бы предложить мне выступить перед столиками, лучше было в целях безопасности сразу попросить убежище где-нибудь в Монголии?...

Свадьба... В ночнике... Господи, счастье-то какое привалило! На глазах выступили слезы благодарности...

Да, когда тебе уже полтинник, и ты осознаешь, что чуда не произошло, ты не стал вторым Чаплиным и даже третьим Вуди Алленом, иллюзий и амбиций становится все меньше и все четче понимаешь, что деньги — не главное в жизни. Не главное — а просто то единственное, что для этой жизни по-настоящему нужно...

Я смотрю на Маринку. В ее ненакрашенном глазу — вопрос.

— Граф Орлов, — сказал я...

Когда-то мы с ней мечтали, что вот так же когда-нибудь раздастся звонок и мне предложат за выступление такой гонорар, что я куплю на него знаменитый алмаз и брошу к ее ногам... Мечта ушла, а привычка любое денежное предложение называть «графом Орловым» осталась...

— Спи, сегодня один работаю, там только

тамада нужен.

Ненакрашенный глаз засветился другим вопросом и, чувствуя себя телепатом, говорю:

— Да ты че, Марина, какой секс? Не-не, сейчас же Лия прискачет...

И Марина, вздохнув, бухается обратно в подушку...

Самое печальное, что всем своим видом успела показать: ничего другого от тебя, мол, и не ожидала...

Да... Что-то часто я в последнее время стал придумывать отговорки... Даже не вспомню, когда последний раз... не отговаривался. Да, не вспомню, и это, похоже, проблема не памяти, а...

Я шаркаю на кухню, варю кофе и думаю. Сколько мы вместе? Почти два года... Конечно, все имеет начало и конец. Тем более, что мы и по работе все время на глазах друг у друга. Придается... Но что-то я и на тех, кого просто первый раз вижу, кто уж никак не мог приесться, как-то... М-да, обратная сторона полтинника. Неприятная... Можно подумать, другая сторона у него чем-то лучше. Полтинник он и есть полтинник. Думать обо всем этом не хочется. Пробую переключиться на другое...

Жду Лию. Интересно, какую инфу она добудет по этой свадьбе. Это ведь только кажется, что провести свадьбу — ерунда. Дело даже не в

том, что все пьяные, и это ужасно противно... Это как раз... Ко всему привыкаешь. Я тоже раньше не думал, что мое чувство собственного достоинства атрофируется уже к третьей свадьбе.

Нет, конечно, провести свадьбу так, чтоб тебя больше никуда никогда не позвали — не вопрос... А так, чтобы потом говорили: «Там тамада был — не представляешь! Супер! Гаврилов, кажется... Надо его рекомендовать...»

Да, провести качественно — это запомнить всех по имени-отчеству, а то и по кличкам, и не перепутать, и узнавать в лицо людей, которых ты еще вчера знать не знал, а сегодня ты видишь в гардеробе человека и вот ты с ними уже как лучший друг:

— Кого я вижу! Абрам Соломонович! Вы один? Без Доры Михайловны?

И он смотрит ошалело, он же не знает, что ты просто за несколько часов до этого всматривался в фотки гостей и запоминал, запоминал... Вот эту инфу — кто да что — и должна притырить Лия. Жду ее, сам себе напоминая Штирлица, в нетерпении ждущего донесений от агента.

Вообще, мне кажется, что работа хорошего тамады подобна работе чекиста, запоминающего легенду, имена, явки...

Нет, наша работа сложнее. Чекисту ведь не надо писать поздравления, рифмуя все эти «Борис

Петровичи» с «Аннами Владимировнами» и «Газпромы» с «Гастрономами» да еще кладя их на мотив «Гренады». Почему именно «Гренады»? Ну, не знаю я, набил на ней руку...

И вообще напрасно это я вспомнил чекистов. Говорят, мысль материальна и вот теперь они в чем-то как-то, но наверняка возникнут в моей жизни...

Впрочем, это такой народец... Вспоминай их, не вспоминай — они все равно возникнут, без всякого приглашения...

Входит Лия. У нее свой ключ, чтоб не будить звонками Маринку. Работа начинается...

Она кладет на стол папку. Фотки, фотки... Оффенбах, Курдюков, Мамед-оглы... Боже, ну что за уроды эти родственники со стороны жениха... М-да, со стороны невесты тоже не победители конкурсов красоты...

Лия удаляется, еще чашка кофе и начинаю рифмовать под «Гренаду»:

Мы ехали шагом, мы
мчались в боях
Вдруг видим мы к
Загсу идет Оффенбах
Жениться он сына
Илюшу ведет
Все, хватит,

набегался, мартовский
кот...

Насчет того, что работа тамады похожа на работу чекиста, это я, пожалуй, погорячился: моя — опаснее... Чем рискует чекист? Ну разоблачат, ну посидит немножко, потом обменяют на такого же ихнего недотепу. А тамада — он как сапер, ошибается один раз: пошутил неловко, и могут так отметить — без всякого обмена...

Не стыдно, Серега, под казанского сироту косить? «Отметелят»... Мы, как говорится, мирные люди, но наш бронепоезд... Мало не покажется...

Несколько часов пишу, зубрю, потом еду...

Вхожу в зал, произвожу рекогносцировку местности. М-да... Я опытный тамада. Одного взгляда на зал достаточно, чтобы понять: сегодня будет лажа, без драки не обойдется... И я знаю почему: эти жлобы сняли под свадьбу не весь ночник. И опасность исходит, конечно, вон от того, «чужого» столика, где развалясь сидит какой-то амбал в майке с волком из «Ну, погоди!» на груди. Рядом кореша и несколько девиц. Сейчас будет выдрющиваться перед ними, я чувствую... Но — надо начинать...

— Добрый вечер, друзья!

— Здравово, коли не шутишь! Га-га-га!

Это, конечно, амбал. Стараюсь не смотреть в

их сторону, но знаю, что это он... Есть несколько способов так спровоцировать драку, чтоб потом сказать: «А мы че? Мы сидели просто, разговаривали, и вдруг они начали...»

Сейчас амбал применил первый, самый примитивный способ — разговор с чужим Ведущим на чужой тусовке. Это страшно бесит тех, кто нанял Ведущего. Они считают, что он принадлежит только им и говорить с ним могут только они...

— Ну что ж, друзья, — продолжаю я, — вы знаете, по какому поводу мы здесь: как говорится, сколько веревочке не виться, а Илюша и Наташа решили пожениться...

— Га-га-га! Здорово сказал! Как остроумно, а, ребята? Молоток!

Прием номер два: преувеличенная, издевательская реакция на нехитрые шутки ведущего. Как говорится, выстрел дуплетом: и ведущего довести до белого каления, и того, кто оплатил мероприятие, считающего что чужие не должны получать удовольствие от шуток, которые тот проплачивал...

— Послушайте, может уже-таки хватит?

Это, конечно, Оффенбах-старший, папа жениха, на его денежки гульба...

— А че такого?

Амбал, точно он...

— Че такого? Не вы платили за шутки — не

вам и слушать!

Ну, что я говорил... Опыт у меня гигантский...

— Пардон, молчу-молчу... Больше не будем, папаша, мы тока между собой...

Ясно. Сейчас применит прием номер три. Я б его, собственно, так и назвал «тока между собой»: вроде они никого не цепляют, говорят себе и говорят, просто комментируют все, что видят, причем, так громко, что не услышать нельзя...

— Фу, ну молодец, Наташка, успела все-таки замуж до родов...

— Ты думаешь? Да ты что, не может быть! Она ж порядочная...

— Порядочная или нет, не знаю, а посмотри как на соленые огурцы налегает!

— Ой, правда! Да-а, не ожидал от Илюшки...

— А причем тут Илюша ваще?... Не факт, что он...

Тем не менее, часов до двух ночи как-то обходилось. Но, конечно, желчь потихоньку накапливалось и у меня, и у собравшихся на свадьбу, и плотина готова была вот-вот прорваться. Требовался только повод...

И, как это бывает чаще всего, повод нашелся вообще не имеющий к свадьбе отношения и абсолютно ничтожный: амбал отвесил пощечину сидевшей за их же столом хрупкой девчужке в

очечках, похожей на школьницу... И собирался врезать ей еще, но не успел...

Глава 2

«Мы мирные люди, но наш бронепоезд...»

Есть у меня такая идиотская черта... Нет, не вступаться за слабых — это было бы слишком уж благородно для меня... Другая моя черта, не менее идиотская — вечно искать приключений на свою задницу. И когда тебе полтинник — уже трудно перестраиваться и менять свои привычки.

Девушка тут совершенно ни при чем, просто он всех достал. Хотя, конечно, заодно выступить в роли эдакого Возмездия — почему нет? Тем более, что мне это практически ничего не стоило. Нет, стоило, конечно, но я давно расплатился за свое умение показывать разным козлам, что они не самая последняя инстанция в этом грешном мире. Я расплатился дважды сломанным носом, разбитыми бровями, тремя жестокими нокаутами за недолгую карьеру боксера-любителя.

Но на память о тех годах остался поставленный удар левой в печень. А это — вам скажет любой боксер — дорогого стоит. И еще любой боксер подтвердит, что если уж вам

поставили удар — то это на всю жизнь...

Это и был мой бронепоезд...

Все было рядом, от меня до амбала метра три, не больше... Ну и, короче, еще не затих звук пощечины, еще не вспухла красной полосой щека девчушки, а амбал уже недоуменно выпучил глаза, прислушиваясь к непоняткам в своем организме.

Удар в печень — он вообще необычный, смешной такой. Не для того, конечно, кому достанется, а если смотреть со стороны. Дело в том, что реакция жертвы на него всегда немножко запаздывает.

Я ударил, а амбал еще секунд десять стоял, просто хлопая глазами, и только потом свалился, как подкошенный...

Пока его кореша пытаются сообразить, что произошло, подталкиваю девчушку:

— Беги! Я их задержу!

И вдруг... Она открывает рот и говорит:

— Ага! Щяс! Пусть сначала бабки отдаст!

— Кто? — не понимаю я.

— Дед Пихто, — говорит она, показывая на лежащего кучей амбала.

Не сразу до меня дошло, что я со своим Возмездием избрал не лучшую героиню для своего подвига, что похожая на школьницу девушка — проститутка, амбал — скорее всего клиент или ее сутенер, от которого она пыталась утаить часть

выручки, тогда он отнял все и еще врезал по сусалам...

Пока я перевариваю эту информацию, пока размышляю... Да, так уж устроила коварная природа, что у нас нет глаз на заднице. И я в этом смысле не исключение. Поэтому, когда один из корешей амбала, следуя завету Суворова «воюй не уменьем, а хитростью», подкрадывается ко мне сзади и бьет чем-то типа железной салатницы — это оказывается для меня огромным сюрпризом...

Били меня долго. Когда они выдохлись, пришел в себя виновник торжества. Ненависть иногда действует лучше любого допинга. Вот он приходит в себя, видит меня, звереет, хватает, я чувствую себя тряпичной куклой в его лапах, он тащит меня через весь зал, сшибая мной столики, и выбрасывает на улицу через стеклянную дверь...

...Прихожу в себя... Сколько я провалялся тут, в канаве? Смотрю на то место на руке, где еще недавно были часы... Пытаюсь мысленно восстановить события. Наверное, какой-то прохожий, увидев меня, тотчас, как это принято у нас, бросился на помощь. Но приняв меня, бездыханного, за труп, в скорбном молчании снял с меня часы... «Патрик Филипп»! Во всяком случае, они выглядели, как настоящие! Да, снял часы, чтобы у него хоть какая-то память обо мне осталась на этой земле...

Я думаю о том, каким длинным и насыщенным интересными событиями оказался этот день. Обычно мы ведь как, писатели-сатирики? Сидим себе за компом целыми днями, высасывая из пальца свои плоские шутки, а настоящая жизнь, веселая и страшная, катится где-то там, за окном, мимо нас. А сегодня нет, повезло... Я окунулся в самую ее гущу...

Челюсть почти не открывается, что особо радует человека, работающего в разговорном жанре. Чувствую, как распух нос...

Между прочим, завтра корпоратив у какого-то олигарха. Хорош же я буду... Ой, мамочки, как больно...

И почему-то жутко хочется есть. Ха! Почему-то! Во мне ведь с утра ничего не было... Неожиданно мой взгляд упирается в пакетик для завтрака. Просто из любопытства заглядываю и вижу аппетитный, даже не надкусанный бутерброд с копченой колбасой...

«С ума сошел, Гаврилов? Ты б еще с помойки!»

Видимо, я в предыдущей жизни был кем-то типа ведущей программу «Здоровье». И сейчас, пользуясь моим ослабленным здоровьем, эта дама типа Малышевой подняла там внутри меня восстание: «А я как врач, еще раз тебе говорю — не смей жрать неизвестно что, будет пищевое

отравление!»

Надо признать, какая-то логика в ее словах была. Но когда хочется есть, ты против любой логики найдешь свои аргументы...

«Да какой ты врач, Малышева? Ты ж тыщу лет уже в своем телевизоре сидишь! Медицина за это время знаешь, как вперед ушла? Давно придумали всяких противоядий против пищевых отравлений...»

«Да! Противоядий много! Но нет ни одного, чтоб безнаказанно есть с помойки».

«Какая помойка, Малышева? Просто кто-то наверное, выходил из ресторана, взял с собой, что осталось, сунул мимо кармана, даже не надкусил, все абсолютно стерильно...»

Я смотрел на бутерброд и слюна капала у меня, как у собак академика Павлова во время его идиотских садистских опытов. А Малышева не унималась:

«Стерильно? Что значит — кто-то взял бутерброд с собой? Не сам же укладывал! Да его на кухне совали в пакет грязными лапами!»

«Какими лапами, Малышева? Почему надо сразу о людях думать плохо?»

«Да потому что там на кухне одни гастарбайтеры! — кричала Малышева. — И всем известно, что они не дружат с гигиеной!»

«Да в этом «Черном лебеде» ни одного

гастарбайтера на кухне! Там стерильность, как в операционной!»

«Хорошо-хорошо, не гастарбайтеры и там, действительно, обычно все стерильно...»

«Вот! Сдаешься, Малышева?»

«Стерильно... но не в этот раз!»

«Да почему?»

«Да потому что повар нарочно этот бутерброд испоганил! Он хотел его унести к себе домой, и тут приходит шеф-повар и говорит:

— Представляешь, клиент пошел? Просто скотина! Заверни, мол, ему то, что осталось... Ты уж ему...

— Понял, шеф! Я как раз недавно писать ходил и руки после уборной не мыл!..»

Я сую бутерброд в рот.

«Ты что, не слышишь меня, Гаврилов?»

«Не слышу. У меня после удара салатницей контузия».

Съем, но не весь, черт с ней, с Малышевой. Съем половину... Тем более, что от бутерброда шел какой-то «электрический» запах...

Какие-то две мерзкие крысы появились и уставились на бутерброд, видимо, кляня себя за невнимательность, за то, что не нашли его раньше меня.

— Ну, что делать ребята: сегодня повезло мне... Новичкам всегда везет, а я ведь первый раз,

считай, с помойки-то подобрал...

Крысы сели рядом, делая вид, что очень внимательно слушают ту хрень, что я им нес. Ну, на что они рассчитывали — понятно. Непонятно только было — то ли они действительно сами по себе такие умные, то ли когда-то сожрали книжку с баснями Крылова, перед этим прочитав ее, и теперь ждали момента, когда я, разговаривая с набитым ртом, выроню или целый бутерброд или хотя бы оброню крошки...

Прислушиваюсь к себе. Нормалек. Чувство голода прошло... Почему-то немножко стал дергаться глаз, но вряд ли это связано...

Глава 3

Люба, братцы, Люба...

Полковник ФСБ Чаплыгин сидел за столом, тупо уставясь на клетку с крысами, и просто физически чувствовал, как почва уходит у него из-под ног... Крысы были какие-то полуживые, не проявляли никакого полового интереса друг к другу...

— Кошмар, какой кошмар, — пробормотал полковник и виновато посмотрел на портрет.

Дзержинский еще никогда так пристально не смотрел со стены на хозяина кабинета...

— Ну что, приехал полковник Чаплыгин?

Доворовался? — словно говорил он.

— А че приехал-то, че приехал? — мысленно защищался Чаплыгин. — Все, как вы завещали.

Он посмотрел на свои руки. Они и правда были чистыми, как и наказывал первый в мире чекист. И он протянул их к портрету, демонстрируя.

— А сердце? — не унимался в чаплыгинском воображении Дзержинский.

— И сердце горячее! Ну честно! Ну что мне — градусник показать?

— А голова?

— Уй, е-мое! Ну холодная, холодная голова! Ну что мне ее — в холодильник сунуть?

Дзержинский не отвечал. И это всегда было — Чаплыгин знал — самым хреновым признаком... Он сам часто пользовался этим приемом — просто молча испепелял взглядом подчиненных, и те от этого чаплыгинского молчания не знали, куда деться...

М-да... Он был вынужден сейчас признаться самому себе, что кроме того, чтоб делать такой взгляд, он мало что умел к своим 60-ти годам... И что он с этим взглядом будет делать, когда его вытурят в отставку? Испепелять соседей по помойке, таких же бомжей, когда они под самым его носом, с его территории, вытащат из кучи мусора почти свежий батон колбасы? Чаплыгину

стало жалко себя, он вздохнул...

Как, как он мог? Ну почему он? Так хотелось в эту тяжелую минуту найти виноватых... И он нашел — Любка...

Конечно, все случилось из-за нее. Шерше ля фам... Как сказал Сенека, если хочешь лишить человека разума — пошли ему женщину...

Он как-то раньше не очень понимал эту фразу. Раньше, при большевиках, Андрей Иванович Чаплыгин работал в 5-м управлении, боролся с диссидентами и нередко сопровождал их в психушку. Встречая там жуткую мегеру (в миру она звалась врач-психиатр Бурятова), он думал, что фраза — про нее, что именно Бурятову посылали, чтоб лишить человека разума...

И только когда познакомился год назад с 20-летней фотомodelью Любочкой, от которой у седовласого Чаплыгина сходу снесло башню, понял, кого имел ввиду Сенека...

И стало перманентно не хватать денег...

Года три назад они в управлении разрабатывали некоего Майкла Готинга, английского бизнесмена, торговца оружием. Думали: как к нему подкатить, чтоб он стал работать на нашу Родину... Выяснили, что бизнесмен живет на широкую ногу и эта нога, так сказать, много шире того, что торговец может в реале себе позволить. Гольф, лодочка под парусом,